

который своими трудами дал мощный толчок для выработки нового понимания истории.

Насущная необходимость истории историзма очевидна. Ее отсутствие свидетельствует о неразработанности этой важнейшей проблемы. Хотя следует признать, что и у нас, и за рубежом систематически выходят работы, посвященные, в частности, французским историкам, В. Скотту, Гердеру и вообще проблемам историзма. Вопрос же о том, как в русской литературе до Пушкина в ответ на требование времени начался пересмотр философии истории просветителей и стало формироваться подлинно историческое мышление, давно стоит перед литературоведческой наукой. Пора его решать, т. е. исследовать проходивший на протяжении полувека (до пушкинского «Бориса Годунова») сложный, противоречивый, но нацеленный на будущее процесс выработки нового понимания истории, в ходе которого история начинала открывать тайны своего развития.

Процесс, проходивший в России, соотносится с тем, что делалось в других европейских странах — Германии, Франции, Англии прежде всего. Русская литература участвовала в общеевропейской борьбе за новую философию истории, делала первые шаги в избранном направлении. Изучение этого процесса требует тщательного собирания нужного материала, просмотра под этим углом зрения всего написанного за это полу столетие, исследования собранного и прочитанного, отказа от устоявшихся догматических априорных представлений об антиисторизме русской литературы до Пушкина. На этом пути откроется много неожиданного, интересного и благодарного. Труд исследователей будет вознагражден. Но уже сейчас ясно, что в становлении историзма на его начальной стадии огромная роль принадлежит Радищеву и Карамзину. Пушкин начинал не на пустом месте: ему было на что опереться — и на русский и на западноевропейский опыт. Опыт русской литературы последней трети XVIII и первой четверти XIX столетия и должен быть предметом рассмотрения, изучения и обобщения.

При этом необходимо, опираясь на факты, преодолеть антиисторический взгляд на просветительскую философию истории, покончить с недооценкой огромного вклада просветителей в познание прошлого, в формирование основ новой исторической науки. Чаще всего в характеристике освободительной идеологии просветителей подчеркивается антиисторизм их взглядов на общество и человека, обращается внимание только на эту особенность их убеждений. Действительно, великие французские просветители, даже материалисты в философии, оставались идеалистами в объяснении общественных отношений. Отсюда исторически закономерно утверждалась механистичность и антиисторичность их воззрений на историю.

Беспощадно критикуя феодальное общество, просветители признали перед судом разума неразумными все прежние установле-